

Анатолий Алексин

Действующие лица
и исполнители

ФТМ

Х.И.В.

Анатолий Алексин

Действующие лица и исполнители

«ФТМ»

1972

Алексин А. Г.

Действующие лица и исполнители / А. Г. Алексин — «ФТМ»,
1972

ISBN 978-5-4467-2615-8

«Действующие лица и исполнители» – повесть Алексина о сложных
глубинных конфликтах и пронзительных переживаниях внутри труппы
провинциального театра юного зрителя.

ISBN 978-5-4467-2615-8

© Алексин А. Г., 1972

© ФТМ, 1972

Анатолий Алексин

Действующие лица и исполнители

Моим дорогим друзьям – рыцарям детского театра

На углу, возле театра, стояла застекленная автоматная будка. Телефона в ней не было: его убрали по просьбе Ивана Максимовича. Автоматные разговоры казались ему легкомысленными и поэтому не могли происходить по соседству с детским театром.

Иван Максимович вошел в будку и стал наблюдать, как ребята шли в театр. Он часто делал это перед началом спектаклей. Будка, по мнению Ивана Максимовича, отделяла его от того, что происходило на площади: он мог оценивать события как бы со стороны, а ребята могли вести себя непосредственно – они не знали, что директор театра за ними следит. Кроме того, они не знали, что Иван Максимович – директор театра. Поэтому опасения его, в общем-то, были напрасны... Но он боялся хоть на миг убить детскую непосредственность! Это было то качество, которое Иван Максимович очень ценил в других и ненавидел в себе: оно приносило ему большое уважение коллектива и еще большие неприятности.

Застекленная автоматная будка была знаменита. Ее называли «наблюдательным пунктом», «кабинетом директора», «барокамерой» и как-то еще.

Наблюдать за событиями, которые происходили на площади, «как бы со стороны» Ивану Максимовичу всегда удавалось не более двух или трех минут. А затем происходило что-нибудь такое, что заставляло его покинуть свой наблюдательный пункт и превращаться в участника происходящих событий.

«А все-таки сейчас, ранней осенью, наш ТЮЗ не тот, что зимой, когда рано темнеет и ребят встречают огни!..» Не успел Иван Максимович об этом подумать, как увидел девочку лет двенадцати, которая выбежала из театра, будто ее преследовали, нервно огляделась, бросилась за угол дома, где был служебный вход, и, прильнув руками и лицом к пожарной лестнице, разрыдалась...

Сюжеты трагедий, которые разыгрывались возле театра или в его вестибюле, были почти всегда одинаковы. Поэтому, подбежав к девочке, Иван Максимович спросил:

– Что, не пускают?

Она уже не верила, что кто-нибудь в мире может помочь ей, и поэтому не ответила.

Иван Максимович погладил ее вздрагивавшую голову.

– Ты в каком классе?

– В пятом, – глухо ответила она, не отрываясь от лестницы.

– А пускают с восьмого! Это же на билетах написано. И сказала бы, что в восьмом!

– Она не поверит...

– А ты зачем пошла через главную дверь, где она стоит? Прошла бы сбоку, где одна билетерша.

Девочка еще крепче прильнула к лестнице.

– Пойди тихонько через дверь, которая сбоку. А я издали погляжу.

– Она меня запомнила. Я ей сказала...

– Что ты сказала?

– «Неужели вам не жалко людей?»

– А она?

– «Жалко... – говорит. – Поэтому пойди и продай билет».

Затишье, которое наступает в неизлившемся детском плаче, всегда бывает лишь передышкой. Неизвестно, думала ли уже сейчас девочка о театре и о спектакле, – в ее душе господствовало чувство несправедливой обиды.

– Я ее спросила: «Что случится, если я посмотрю эту пьесу? Ну что случится?...»

– А она?

– «Когда-нибудь ты поймешь!..» А я этого никогда не пойму.

Девочка, отпрянувшая было от лестницы, опять прижалась к ее перекладине.

– Я тебя через служебный вход проведу, – сказал Иван Максимович.

Девочка неохотно расставалась со своими переживаниями.

Он объяснил ей, что через служебный вход проходят артисты, и главный режиссер, и он сам, директор театра. Тут девочка оторвалась от лестницы и взглянула на него недоверчиво. Он не был похож на директора: ни роста, ни статности, ни уверенности в движениях.

Он понял ее взгляд. И тихо сказал:

– Через пятнадцать минут начинается. Идем, а?

Они прошли мимо дежурной. Лица ее почти никогда не было видно: только лоб и очки. Она всегда читала газету и сообщала последние новости.

– Вы читали? – спросила она. – Одна перуанка родила четверых!

– Ну, что-о же вы?... – застенчиво произнес Иван Максимович, указывая на девочку. И объяснил: – Я вот тут... родственницу свою хочу провести.

– Проводите, пожалуйста, – разрешила дежурная.

Они прошли по длинному служебному коридору и очутились в фойе.

Ребята не могут оставить без внимания никакой неожиданности или необычности: они с удивлением смотрели на мужчину и девочку, которые пересекали фойе в плащах.

Спустившись в вестибюль, Иван Максимович сказал:

– Ну вот... Сдай свой плащ в гардероб. И все в порядке. – Он облегченно вздохнул, обернулся... и увидел ее.

Это была заведующая педагогической частью Валентина Степановна. Девочка тоже увидела ее – и замерла, окаменела. Иван Максимович развел руки в стороны, будто хотел сказать: «Не пускайте лучше меня!» Валентина Степановна поймала отчаянный девочкин взгляд.

– Раздевайся и иди в зал, – мягко сказала она, – раз директор тебе разрешил!

– Да, я считаю... – начал Иван Максимович.

– А с вами мы еще побеседуем! – тихо, но внятно произнесла заведующая педагогической частью.

Беседа произошла сразу же, как только девочка скрылась из виду.

– Я отвечаю за воспитательное воздействие наших спектаклей, Иван Максимович. Оно может быть со знаком плюс или со знаком минус. И тут возрастное соответствие играет колоссальную роль!

– Благодарю вас, Валентина Степановна. От имени дирекции... За то, что вы всегда на посту!

– Не отшучивайтесь, мой друг. Законы педагогики со служебного входа не обойдешь!

Он покорно склонил голову, зная, что еще никто не уходил от нее, не выслушав всего, что она хотела сказать.

– Во взрослом театре, Иван Максимович, год или даже десять лет не имеют существенного значения. Нельзя, конечно, сказать, что человек в тридцать семь лет понимает больше, чем в тридцать четыре года. Но в детском возрасте!.. И ваша доброта в данном случае может обернуться жестокостью.

Он мягко и согласно кивал в такт резким словам Валентины Степановны, все время думая о том, что девочка, рыдавшая возле лестницы, уже наверху.

– Чему вы улыбаетесь? – спросила Валентина Степановна.

Ничего не ответив, он направился в свой кабинет. По дороге он продолжал улыбаться. У него была такая манера: улыбаться наедине с самим собой – своим мыслям или воспоминаниям.

Возле кабинета он остановил мальчика и спросил:

– Ты первый раз у нас в театре?

– Первый, – ответил мальчик.

Это его огорчило. И он спросил у другого мальчика, который стоял рядом:

– А ты тоже первый раз у нас в театре?

– Ну что вы!

Ему полегчало. Он посмотрел на мальчика с нежностью.

– А сколько раз ты был в нашем театре?

– В этом году?

Он готов был расцеловать мальчика.

– Нет, вообще...

– Я у вас все видел.

– Слушай, ты пить не хочешь? У меня есть нарзан.

– Ну что вы! Уже был звонок...

– А наши аквариумы тебе нравятся?

– Я всегда кормлю ваших рыб!

– Вот этого делать не следует. Это для них опасно.

– Я купил в буфете пирожок и покрошил.

Иван Максимович знал, что театральные буфеты обслуживают теперь также и рыб, которые плавали в больших шарообразных аквариумах, стоявших в фойе.

Спектакль начался. И сразу же в дверь постучали.

– Пожалуйста, Николай Николаевич! – воскликнул директор. Он знал, что со стуком к нему в кабинет входит только главный режиссер театра.

Иван Максимович встал и пригладил рыжеватые волосы, обрамлявшие его мощную лысину.

В комнату вошел высокий немолодой человек с красивым, немного усталым лицом. На нем был черный парадный костюм и белая, до блеска накрахмаленная рубашка.

Иван Максимович застегнул свой выцветший пиджак на все пуговицы. И опять расстегнул его.

– Садитесь, Николай Николаевич. – Получив приглашение, главный режиссер сел. – Вы всегда словно бы на премьере...

– Да-а... – неторопливо согласился Николай Николаевич. – Вечером я прихожу в театр, как в театр. А не как на работу! Так уж у меня принято.

У него был глубокий, густой баритон, звучащий вроде бы извинительно: дескать, уж не выщипайте, ничего не могу с собою поделывать.

– За кулисами были, конечно?

– Как всегда... – опять вроде бы извинился Николай Николаевич. – Ничего не попишешь – не мог не зайти.

Перед каждым спектаклем он приходил за кулисы, спрашивал у актеров, как они себя чувствуют, и желал им успеха.

– Хочу сообщить вам новость, – сказал Николай Николаевич. Он провел рукой по своим тяжелым, густым волосам. – Меня вызывают на комитет комсомола.

– Зачем?

– Хотят со мной побеседовать.

– С вами? О чем?...

– Точно не знаю. Но откликнулся сразу. И поверьте мне: с удовольствием! Ставка на молодежь – это беспроигрышная ставка. Может быть, их интересует моя следующая лекция?

– На тему?...

– «О культуре театра». Это вечная тема. Правда, я предвижу некоторые сложности.

Иван Максимович встал, готовый немедленно помочь главному режиссеру.

– Видите ли, некоторые теоретические положения моей лекции могут войти в противоречие с практикой нашего театра.

– Какие именно положения? – Иван Максимович всем своим коротким, но грузным корпусом устремился навстречу Николаю Николаевичу.

– Мы с вами единомышленники, – вполголоса, будто по секрету, сообщил главный режиссер. – Поэтому я иду на полную откровенность. Видите ли, я в своей лекции буду утверждать, что зритель не может быть с театром запанибрата. Театр – это таинство. Его порог переступают с благоговением. И артисты – это волшебники, с которыми нельзя встретиться так запросто, как с соседями по квартире. И директор театра – это тоже таинственная фигура. Ничего общего не имеющая с директором школы или, допустим, с директором библиотеки. И вдруг этот таинственный человек появляется в вестибюле после спектакля и спрашивает: «Ну как? Вам понравилось?» Все упрощается... Никакого таинства уже нет! Поверьте моему опыту: это не принято. Я говорю не о каких-нибудь циркулярах, а о своде традиций, что ли... Священных традиций театра!

На миг в глазах Николая Николаевича возникло смятение: он заметил, что левая манжета рубашки скрылась в рукаве пиджака, в то время как правая с достоинством сверкала агатовой запонкой. Главный режиссер следил за своими манжетами. Они должны были выглядеть близнецами.

Николай Николаевич тщательно, не спеша поправил левую манжету.

Ивану Максимовичу нравилась эта подчеркнутая аккуратность. Он чувствовал, что она невольно передается другим и как-то подтягивает, дисциплинирует всех, кто общается с Николаем Николаевичем. Да и вообще Иван Максимович ценил в людях то, на что не был способен сам.

Николай Николаевич закрыл лицо руками. Кончики пальцев погрузились на миг в его седеющую шевелюру. Казалось, он дошел в своем разговоре до кульминации, которая требовала от него решительности и некоего преодоления.

– Иван Максимович, сделайте одолжение... Сядьте, пожалуйста. Мне неудобно, право.

Иван Максимович сел и, находясь в ожидании, навалился на стол своим грузным телом.

– Я видел, как вы наблюдаете за зрителями из будки. Это уже, простите, какое-то детство! Говорят, что перед началом спектаклей вы беседуете со зрителями в вестибюле. И даже на улице. Самое опасное в этом знаете что?

– Что?... – с настороженным любопытством спросил Иван Максимович.

– То, что об этом рассказывают с умилением. И даже с восторгом. Актеры не видят в этом ничего противоестественного. Они не понимают, что это не принято... Что это противоречит элементарным представлениям о театре.

– И о детском?...

– Театр есть театр! А детский или взрослый – это не имеет значения. По Станиславскому, он «начинается с вешалки», а не с бесед в вестибюле. Станиславский имел в виду, что даже вешалка в театре должна быть не такой, как везде. Даже вешалка должна гипнотизировать зрителя: не скинул пальто – и пошел, а с трепетом душевным передал его в руки служительницы искусства. Да-да, гардеробщица в театре – не служащая, а служительница. Это так. Или должно быть так... Поверьте моему опыту.

Нельзя сказать, что Иван Максимович не знал всего этого. Но так же, как знакомое произведение, исполненное большим артистом, звучит для нас часто по-новому, так и известные истины, произнесенные Николаем Николаевичем, нередко казались ему откровением.

– А ваши аквариумы? – продолжал главный режиссер.

– Они успокаивают... Настраивают ребят на лирический лад.

– Но отвлекают от главной цели их прихода сюда, в это здание. Им кажется, что они в зоо-магазине... И, наконец, последнее! – Николай Николаевич понизил голос и огляделся, желая удостовериться, что их в кабинете двое. – Вы знаете, что вас в театре называют Ванечкой?...

– Знаю, – ответил Иван Максимович.

– Честное слово, это детство какое-то. А моего предшественника, которого я глубоко уважаю, называют Петрушей...

– Но вы же из-за этого не перестаете его уважать?

– Не перестаю... Петр Васильевич создал любопытный репертуар. «Трех мушкетеров» поставил очень своеобразно. И катаевский «Парус» забелел у него как-то по-новому.

– А «Горе от ума»?

– Этот спектакль я видел в исполнении великих и величайших. Поэтому к нему у меня особое отношение... Но в общем Петр Васильевич оставил по себе добрую память.

– Петруша?... – Иван Максимович прислушался к звуку своего голоса. – Это звучит очень ласково.

– И все-таки я не могу представить себе, чтобы Всеволода Эмильевича Мейерхольда у него в театре звали Севочкой. Хоть это тоже звучит не грубо. Или чтобы Владимира Ивановича Немировича-Данченко называли Володенькой... Не представляю себе!

– Да, это трудно себе представить.

– По-моему, невозможно! – Николай Николаевич встал и заходил по комнате. От одной стены до другой он делал не более трех шагов. – Все эти факты сами по себе не имеют большого значения. Но в сумме с другими (подобными же!) они создают атмосферу клуба или Дома культуры. Одним словом, непрофессиональную, самодеятельную атмосферу. А самодеятельность в применении к профессионалам знаете как называется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.